

«Виходять два мужики заставляти тенета, до которых виходить третій для поради; оставивши тенета, скріються. Потом виходить литвин и упадет в тенета, и, напавши, мужики литвина убють. || Потом виходить синки, шукаючи батка, и, знайшовшы, воскресять. || Еще к ним виходить ксонз питатися, що на том світѣ дѣється, и литвин ксонза прожене».

Одна из семи интермедий, которые ставились в русском школьном театре в начале XVIII в.,³ а именно четвертая, возникла как контаминация инсценировки популярного анекдота о разделе найденных денег между нашедшим и мнимым хозяином-плутом с таким же популярным анекдотическим мотивом о продаже кота в мешке. Здесь контаминация помогает акцентировать мораль об обманутом обманщике.

В русской демократической драматургии XVIII в. интересующий нас прием контаминации мы находим, например, в интермедии Титовского сборника⁴ о Раскольнике, Греке и Сотских (лл. 15 об.—16 об.). Здесь монолог Раскольника является контаминацией характерного для этого персонажа русской сатирической литературы монолога о спасении душ и о страданиях за старую веру, написанного пародированным церковнославянским языком, и не менее часто встречающегося в демократической литературе того времени прибаутчного зазыва разносчика. В. Д. Кузьмина показала точный источник одного из двух фрагментов монолога Раскольника — монолог разоренного купца в другой интермедии этой же рукописи.⁵

Другой особенностью, органически связывающей поэтику интермедии с народным пониманием художественного творчества, является своеобразная условность художественной фикции, когда в интермедии все происходит не совсем так, как в жизни, но так, как хотелось бы, чтобы произошло. Условность эта является, вероятно, рефлексом магических обрядовых заклятий, всеры в силу пожелания, благодаря которой можно осуществить даже невозможное. В интермедиях некоторые персонажи появляются на сцене перед персонажем, высказывающим какое-то пожелание, как бы вдруг, без каких-либо логически обоснованных реальных причин, а только по счастливому случаю. Это специфически народное художественное восприятие действительности выступает в интермедиях — произведениях комических и часто сатирических — также в функции реверсивной. В этом последнем случае персонаж, появляющийся вдруг перед лицом, которое высказало мечту, и изъявляющий готовность эту мечту (пожелание) исполнить, оказывается плутом, шутником или разоблачителем. Покажем это на нескольких примерах.

Во второй интермедии к драме профессора Киево-Могилянской академии Георгия Конисского «Воскресение мертвых» (1747 г.)⁶ Мужик, которого польские паны принуждают к преступлению, обращаясь к зрителям, молит о спасении и громко мечтает о мстителе. Во исполнение этой мечты в наиболее критический момент на сцене появляется Москаль, который, узнав у Мужика в чем дело, прогоняет панов.

В одной из русских интермедий с Гаером, опубликованных Тихонравовым,⁷ Шляхта поет жалостную песенку о своем одиночестве. И тут же

³ Опубликовано Н. С. Тихонравовым в кн.: Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874.

⁴ Сборник хранится в ГПБ, собрание Титова, № 1627. Машинописные копии интермедий этого сборника см. во II томе диссертации В. Д. Кузьминой «Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века». (Отдел рукописей Института мировой литературы АН СССР).

⁵ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII в. М., 1958, стр. 114.

⁶ Текст интермедии см.: Українські інтермедії XVII—XVIII ст.

⁷ Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874.